

Отзыв

о диссертации Графовой Ольги Игоревны
«Экфрастическая экспозиция и ее функции в романах А.С. Байетт
«Дева в саду» и «Натюрморт»», представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература
народов стран зарубежья (английская литература) [Екатеринбург, 2019]

Изучение своеобразия английской литературы XX-XXI столетий стимулирует обращение исследователей к категориям современной теоретической поэтики, а также к произведениям писателей, многие из которых, получив признание, являются нашими современниками.

Этим мотивируется несомненная *актуальность* темы исследования. Во-первых, оно посвящено известной со времен античности, но не до конца освоенной, теоретической поэтической категории экфрасиса. Войдя в современную терминосферу, эта категория переживает новый период становления, пополняясь номинациями и функциональной вариативностью, определяемой спецификой современной прозы.

Во – вторых, безусловную актуальность имеет и сам материал исследования. В диссертации анализируются два романа из тетралогии современной талантливой писательницы А. С. Байетт, получившей широкое признание. Автором диссертации впервые проанализированы особенности экфрасиса в сильной позиции романов А.С. Байетт «Дева в саду» («The Virgin in the Garden», 1978) и «Натюрморт» («Still Life», 1985), вошедших в тетралогия, которую дополнили два других романа - «Вавилонская башня» («Babel Tower», 1996) и «Свистящая женщина» («A Whistling Woman», 2002). Оказавшись в тени последующих значительных книг А.С. Байетт, таких, как «Обладание» («Possession. A Romance», 1990), или «Детская книга» (The Children's Book, 2009), тетралогия не стала предметом детального исследования, что сообщает дополнительную ценность изучению романов, образующих эту замечательную, высокохудожественную семейную сагу о Фредерике Поттер.

Не вызывает сомнений *теоретическая значимость* диссертационной работы, определяющей поэтологическую функцию экфрасиса, соотношенного с интермедийностью, интертекстуальностью. Своеобразие экфрасиса связано с его присутствием в сложном заголовочном комплексе романов Байетт, включающем заглавие, пролог, эпиграфические тексты. Диссертационная работа характеризуется практической значимостью, поскольку ее материал, выводы и обобщения могут найти применение в вузовских курсах современной зарубежной литературы, спецкурсах по анализу и переводу текстов современной английской прозы, при составлении учебных пособий, посвященных интермедийности – экфрасису в современной западноевропейской литературе.

Используемые методы полидискурсивного, контентного и вербального анализ текстов, обширность привлекаемого и аналитически осмысленного материала обеспечивают *достоверность полученных результатов*. Выдвигаемые на защиту положения и сформулированные подходы к анализу экфрастической экспозиции в романах А.С. Байетт «Дева в саду» и «Натюрморт» в контексте всего объема произведений, вошедших в тетралогия, находят последовательное и обстоятельное рассмотрение в трех главах предпринятого О.И. Графовой исследования.

Структура диссертации, состоящей из введения, трех глав, заключения, списка научной литературы и источников, соответствует заявленной теме, цели и сформулированным задачам исследования.

Первая глава *Понятие экфрастической экспозиции и визуальность в романах А.С. Байетт «Дева в саду» и «Патюрморт»* посвящена рассмотрению сложившегося понятия экфрасиса и номинации экфрастическая экспозиция, а также визуальности как приему художественной изобразительности. Оценивая в целом весьма позитивно концептуальные положения этой части работы (удачную попытку рассмотреть экфрасис в контексте категории интермедиальности, обобщить суждения крупнейших теоретиков по этому поводу (М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт и др.), обосновать свое понимание особенностей и функциональной роли экфрастической экспозиции как сильной позиции текста произведения вообще и романов А.С. Байетт с присущей им спецификой пролога – в частности. Изучая функции экфрасиса, обусловленные особенностями его расположения в сильных позициях текста, О.И. Графова учитывает роль экфрасиса не только в художественном единстве избранных для анализа двух произведений Байетт, но и контекстуально – в тетралогии в целом. Экфрасис рассматривается вполне обоснованно как явление категории интермедиальности. Общее определение экфрасиса, сделано со ссылкой на учебное пособие к спецкурсу 1984 г. [Черты поэтики немецкой литературы нового времени: учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1984. 80 с.] уважаемого исследователя Наталии Самойловны Лейтес, которая была одной из первых, охарактеризовавших после Ольги Михайловны Фрейденберг экфрасис в самый ранний период его становления в современной теоретической поэтике. С тех пор эта категория получила разработку, и были выработаны современные формулировки, определяющие **поэтологическую специфику** этого явления, к которым было бы полезно обратиться.

Возникает сомнение по поводу намерения автора диссертации включить интермедиальность «в широкое понимание интертекстуальности» (с.16), предпринятая с апелляцией к работам М.М. Бахтина и Ю. Кристевой. Включение интермедиальности в интертекстуальность без прояснения вопроса о том, **КАК** автор диссертации понимает «Текст» и вне ответа на вопрос: несет ли текст в себе отличия от произведения, представляется не вполне мотивированным. Ю. Кристева, опираясь на концепцию диалогизма Бахтина, пишет, прежде всего, об интертекстуальности как межтекстовом диалоге, имея в виду приоритетный диалог вербальных текстов. Приводимое в диссертации положение Кристевой о замене понятия интересубъективности интертекстуальностью формулируется теоретиком-семиологом так: «Любой текст, – пишет Кристева, – строится как мозаика цитаций, любой текст – это влитывание и трансформация какого-нибудь текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум *двойному* прочтению».¹ Важно заметить, что на фоне бахтинской концепции логика кристевской интертекстуальности по самой своей сути требует «смерти субъекта» («субъекта письма») и вытекающего отсюда вывода о закодированности текста двойным и более кодами, что было развито Р. Бартом в его знаменитой работе «S/Z», где он переводит теорию интертекстуальности в русло интердискурсивности, под углом которой и развернута традиционная проблема сходства и различий

¹ Кристева Юлия. Слово, диалог и роман // Кристева Юлия. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОСПЭН, 2004. С.166

скульптуры, живописи и литературы. Отсюда известным ученым и делается вывод о тексте как о торжествующей мпожественности.

Еще одно дополняющее теоретический параграф Ольги Игоревны Графовой уточнение: базовое рассмотрение триединства интермедиальности и определение экфрасиса до Раевски (2005 г.), (определение Раевски в диссертации заявлено как первое) сделано ранее в работе 2002г. Леонидом Геллером [*Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002.С.13*], который (до Раевски) выделяет и рассматривает три формы взаимосвязи визуального и словесного искусств, отмечая расширение классического содержания термина «экфрасис». Говоря о проблеме взаимосвязи искусств и экфрасиса, важно отметить, что они пересекаются, но не совпадают, поэтому необходимо определить отличия. Сформулированные сомнения, пожелания и уточнения объясняются не до конца устоявшимися теоретическими представлениями об экфрасисе и не разрушают теоретические основы концепции первой главы.

В теоретической части диссертации определение экфрастическая экспозиция дается как драматологический термин, что оправдано включением пролога в композиционную структуру эпического романного жанра. Продуктивно ее рассмотрение в качестве рамочной конструкции, подтвержденное дальнейшим анализом произведений Байетт. Отдельно рассмотрены и компоненты «заголовочного комплекса», что создает теоретическую основу для их дальнейшего анализа. В последующих параграфах этой главы, подготавливая анализ произведений Байетт, привлекаются литературоведческие работы, сведения об истории создания романов, их интерпретации, а также, что ценно, - эссеистика Байетт. Смысловое поле теоретической главы расширяется, в него включаются проблемы ключевых метафор (идея метаморфозы в «Деве в саду»), «слов как мимесиса вещей» (по Прусту), смежности и порядка (по Ж. Женетту), размышления Т.С. Элиота о природе языка и поэтического образа, которые О.И. Графова связывает с историей создания романа «Натюрморт». Специальное внимание правомерно уделено эссе «Ван Гог, смерть и лето», а также эпистолярно живописца, образующему «рамочную интертекстуальную конструкцию», включая в нее идеи художников слова и теоретиков: Т.Де Квинси, З. Фрейда, Р.М. Рильке, А. Арто, Ж. Батая и Ж. Деррида» в широкое интерпретационное поле живописных произведений художников (с. 39). В этой части диссертации появляется номинация «вербальный натюрморт», позволяющая соединить нарративное, вербальное (смыслообразующее пространство текста) с живописной, экфрастической его проекцией (работы Джейн Кэмпбелл, Эстевес Перейра, Сьюзен Д. Соренсен и др.). Подводя итог рассмотрению теоретической главы, необходимо отметить, что теоретическая часть диссертации О.И. Графовой является в целом актуальной, важной и достаточно успешной попыткой анализа этого явления.

Вторая глава *Экфрастическая экспозиция романа «Дева в саду» и ее функции* посвящена внимательному анализу портретов королевы Елизаветы I, визуальных образов Девы Марии ряда известных живописцев, включая знаменитую картину Рафаэля «Дама с единорогом», что позволяет автору диссертации показать многосмысленность и символическую оркестровку романа Байетт, связав интермедиальную проекцию с драматологическим ее перевыражением в персонажном творчестве (пьеса Александра о Елизавете «Астрея» и история ее постановки). Для решения задачи анализа заголовочного комплекса рассматривается взаимодействие живописных произведений с интертекстуальными включе-

ниями, что позволяет показать особенности синтеза живописного кода с вербальным. Обращено внимание и на символику цвета, колорита и смысла, взаимную корреспондированность живописных и вербализованных метафор, позволяющих выявить в процессе анализа романа черты сходства живописно-портретного изображения королевы Елизаветы и образов современных персонажей романа (Фредерики), а в названии произведения обнаружить косвенную связь с сестрой Фредерики – Стефани Поттер (с. 54-5).

Важно, что специальное внимание уделено не только произведениям высокой живописи, но и массовому искусству (разнообразные виды рекламной продукции) в параграфе **Публика и реклама: картины английского общества 1960-х годов.**

В процессе анализа путей соединения давно минувшей и современной эпох, фиксируются изменения в колористической окраске произведений масс-медиа (например, отмечается обесцвечивание портрета – с.57).

Ассоциации с фреской Рафаэля визуализируются в описании современной группы людей. Автор диссертации обращает внимание на фрагмент романа, который, по нашему представлению, создан в соответствии со спецификой живописного жанра – жанровой сцены (с.59, с. 60). Акцентированная детализация фрагментов напоминает художественно-образительный прием М. Пруста. Таким образом, подмеченное соединение визуального, вербального и аудиального кодов может позволить вести речь о полидискурсивности прозы Байетт, намечая дальнейшие пути исследования. Коллизия романа связывается с проблемой процесса самоидентификации художника, автора драмы «Астрея» – Александра, а в последующем параграфе главы **Английский Ренессанс: портреты королевы Елизаветы I** дополняется анализом восприятия Александром «Портрета Дарили» неизвестного художника, что позволяет автору диссертации сделать вывод о расширяющемся смысловом поле романа, обращенного уже к вопросу о национальной идентичности. С точки зрения поэтологической, отмечен иконический психологизм экфрасиса, двойственность и символизм образа королевы и елизаветинской эпохи.

Анализ живописной описательности позволяет сделать важный вывод о взаимосвязанности пространства личного и субъективного видения, в формировании которого определяющей становится пиктуропоэтика как своеобразная черта, существующая неслиянно/перездельно (Бахтин) в интермедиальном поле романа Байетт.

В завершающем параграфе главы **Исторические и мифологические параллели: портреты «влиятельных женщин»** разнообразие экфрасической палитры дополняется содержательным анализом диалогического экфрасиса (театрализованных чтений), соединяющим живописные портреты, гравюры из дерева с описанием костюмов, колористических деталей внешности и интертекстуальных включений (параллель с Шекспиром, формирующая представление о жизни как сценической площадке, игра слов). Благодаря этому в тексте стимулируется диалог эпох и герменевтические поиски смысла в возникающем полидискурсивном художественном единстве отдельного романа и тетралогии в целом. Экфрасис, подвергающийся театрализации образов, соединяясь с интертекстуальностью Шекспировского наследия, вносит не только живописное, но и игровое начало. «Декламация» позволяет создать «вербальный», а по существу двойной – живописный и вербальный портрет Елизаветы, демонстрируя появление еще одной экфрасической разновидности – диалогического экфрасиса (с.74), что создает логичный переход к параграфу **Вербальный портрет перед визуальным портретом: декламация Флоры Робсон в образе Елизаветы I.** Параграф важен, прокладывая линию от живописного портрета к ха-

рактерологическому авторпортрету (самохарактеристика королевы, подчеркивающая двойственность ее натуры в декламации Флоры Робсон). Несомненным достоинством главы является чуткий контент - анализ, внимание к разветвленной семантике слова оригинального текста, создающего многозначность смысловых проекций в романах Байетт. От живописных портретов исследовательская мысль прочерчивает линию к разновидностям портретов вербальных - характерологических, а от них - к репрезентации портретов сознания персонажей и игре сознаний.

Последний параграф - *Искусство и жизнь: модус комического* посвящен контекстному присутствию в прологе о современном обществе заимствований, пародии, имитации.

В параграфе третьей главы *Экфрасиическая экспозиция романа «Натюрморт» и ее функции* специальное внимание уделено театральному экфрасису, непростым проблемам соотношения выразительного слова и вещи. Убедителен анализ связанных с кругом философских, интеллектуальных, эстетических проблем сложной системы эпиграфических текстов, предпосланных роману «Натюрморт». Не случайно эпиграфические тексты теории иногда называют третьим текстом.

Уместно и обращение к смыслу словосочетания и названию жанра во французском варианте - *nature morte* в сопоставлении с его английским вариантом и разновидностью - *vanitas*. Иноязычный текст в основном тексте произведения обладает свойствами маркированности и привлекает тем самым повышенное внимание читателя, кодируя смысловые поля романа, настраивая на внимание к возникающему контексту и подтексту произведения как художественного целого. Эпиграфический текст способствует смыслообразованию романа, предваряя его, настраивает на аксиологическое восприятие образной, персонажной системы произведения, а также дихотомических его проекций. Отдельный параграф *Экфрасис пейзажей В. Ван Гога: слова и вещи* посвящен анализу пролога в системе рамочного комплекса романа «Натюрморт». Экфрасис картин на выставке живописи постимпрессионизма проецируется на психологическое состояние персонажей и творческую историю осуществляемого замысла пьесы Александра, в этой связи поднимаются непростые вопросы философско-эстетического характера, волновавших не только героев романа, но и автора.

Несомненным достоинством этой части диссертации является внимательный вербальный, контекстуальный анализ оригинала, учитывающий многозначность слова и возникающих в этой связи смысловых проекций, взаимосвязанность персонажного творчества героев произведения с творческим замыслом и интенциями, реализующимися Байетт в ее собственном произведении. Интересным и перспективным представляется и положение о «диалогическом экфрасисе», которое обладает потенциалом дальнейшего развития в связи с бахтинской концепцией диалогизма романа и диалогизма природы интермедиальности и интертекстуальности.

В параграфе *Восприятие пейзажа К. Моне: литературные аллюзии* анализируются интертекстуальные обращения к Прусту, связанные с восприятием пейзажей Моне, объединяемые тезисом об эстетическом удовольствии от восприятия произведений искусств, в связи чем выделяется такая разновидность экфрасиса как «ожившие натюрморты». Дополняется рассмотрение экфрасиса не только филологическим, но и -

добавим! – искусствоведческим дискурсом, что также акцентирует взаимодействие интермедиальных и интертекстуальных включений, присутствующих в романе Байетт.

Параграф *Картины нидерландских художников: свет в темноте* дополняет анализ экфрасиса на ином материале, подтверждая важность намеченных в предшествующих параграфах проблем, сконцентрировав исследовательское внимание на соотносительности визуального и вербального, реального и вымышленного, усиленные апелляциями к Малларме и Прусту. В заключении делаются мотивированные выводы, подводящие итог проведенному исследованию.

Научная состоятельность и методологическая выверенность диссертационного исследования О.И. Графовой, обстоятельность проведенного в ней анализа позволяют ограничиться отдельными вопросами и замечаниями.

1. К сожалению, вне поля зрения О.И. Графовой остался вошедший в практику интермедиального анализа термин пиктуропоэтика, в некоторых аспектах синонимичный экфрасису, однако отличающийся большим разнообразием форм и приемов, чем и определяется его уместность и эффективность в интермедиальном анализе. А также понятие синергии/ синестезии.

2. Обращаясь к определению особенностей вербального характерологического психологического портрета необходимо, на наш взгляд, сформулировать его отличия от живописного экфрасиса. Поскольку магистральной линией проводимого в диссертации анализа является взаимодействие живописного кода и его вербализация, неизбежно возникает вопрос: каковы эти отличия?

3. О.И. Графова пишет в своем исследовании об особенностях декламации, используя определение самой А.С. Байетт: «вербальный портрет перед визуальным». Возникает вопрос: что меняется в каждом из них в связи с процессом декламации, характеризуемой как «исполнение», «представление», «перформанс», неизбежно связанные, как нам представляется, с театральным-игровым кодом и шире – драматургией. Констатации общего плана, что одно продолжает другое, имеющаяся в диссертации, с нашей точки зрения, недостаточно, поскольку в таком случае действуют поэтологические закономерности полидискурсивности, затрагивающие драматургию и эпические жанры как разные роды (драма и эпос) и разные виды (жанровые разновидности внутри каждого из них).

4. Исследование экфрасиса картин В. Ван Гога, сопровождаемое О.И. Графовой описанием своеобразия колористики живописных полотен мастера, полезно было, следуя призыву прославленного живописца «понимать символический язык», дополнить анализом символики цвета и света.

5. На стр. 105 анализируются метафоры, присутствующие в тексте Байетт. Однако в диссертации цитировались эссе писательницы, высказывавшейся об антиметафоричности замысла романа, который она хотела написать «простым языком». Не возникает ли противоречие, требующее специального комментария?

6. Замечание частного характера: в диссертации есть отдельные стилистически некорректные формулировки (через всю работу в разных вариациях проходит словосочетание: **описание** воробья «показано ... глазами...» - с.99, «картина **представлена глазами** ...» Стефании, Александра, героя – с.107, 115, 116, 119,128, 131, 133 и др.), или на с. 116: «**противоречие вставало между героями**»; неоднократно встречаются случаи лексических повторов в одном предложении (в качестве отдельных примеров: на с. 99 тавтология лексемы обращение, или на стр.118 - заложить, заложено, заложный. Встречаются от-

дельные случаи косвенного цитирования работ авторов, причем, не редких трудов, а фундаментальных и вполне доступных текстов, например, О.М. Фрейденберг (с.22). Высоко ценимый в литературоведении труд О.М. Фрейденберг указан в диссертации в списке литературы, вполне доступное второе издание которого появилось в Москве в 1998 г.. Цепным свойством диссертации является внимательный, проникновенный вербальный анализ текста оригинала, однако нигде не указывается автор переводов приводимых цитат из оригинального текста Байетт, не все они стилистически отшлифованы.

Вопросы и замечания имеют дополняющий, уточняющий, частично корректирующий характер, принципиально не снижая общей, безусловно, положительной оценки проведенного ценного исследования. Автореферат и публикации по теме диссертации в полной мере отражают ее содержание и основные положения, выносимые на защиту. Содержание диссертации отражено в 15-ти статьях (10 из них в соавторстве), в том числе в 3-х статьях, опубликованных в журналах из перечня рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Суммируя вышесказанное, есть все основания считать, что диссертация Графовой Ольги Игоревны «Экфрастическая экспозиция и ее функции в романах А.С. Байетт “Дева в саду” и “Натюрморт”» является самостоятельным, завершенным научно-квалификационным исследованием, характеризующимся актуальностью, научной новизной, теоретической и практической значимостью, соответствует специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (английская литература), в полной мере отвечает требованиям, устанавливаемым в п.9. «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, Графова Ольга Игоревна, заслуживает присуждения исковой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (английская литература).

Официальный оппонент –

Доктор филологических наук

(10.01.03–Литература народов стран зарубежья),

Профессор, профессор Института гуманитарных наук

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный

университет имени Иммануила Канта»

Владимир — Владимировна Наталия Георгиевна
236016, г. Калининград, Россия,

ул. А. Невского, д.14

Контактный телефон: 53-62-60

email: post@kantiana.ru

natvl_942@mail.ru 8(921)705-09-98

Против включения персональных данных, заключенных в-01 зыкс, в документы, связанные с защитой указанной диссертации и их дальнейшей обработкой не возражаю.

Подпись Н.Г. Владимировой удостоверяю

Первый проректор – проректор по ОД

20 апреля 2019 г.

Н.Г. Кукса